

О ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРЕВНИХ ЭЛЛИНОВ

(Рец. на кн.: Finkelberg M. *Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition* / M. Finkelberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 203 p., gs, maps)

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 апреля 2017 г.

Формирование этноса эллинов, или «эллинской идентичности», – главный вопрос и одновременно важнейший процесс исторического развития древнегреческого общества, связанный с экономическим переворотом, социальными преобразованиями и культурной революцией эпохи архаики. Несмотря на политические границы, автаркическую природу и социальные противоречия между демосом и аристократией в большинстве полисов, а также трудности сосуществования в различных региональных системах между *poleis* и *ethnê*, население Древней Греции уже в архаический период своей истории сумело выработать идею общности своего происхождения, общего языка, религии, обычаев и истории.

Приводимый тезис предложен в труде израильской исследовательницы российского происхождения М. Финкельберг «Греки и до-греки. Эгейская доистория и героическая традиция греков» (Кембридж, 2015). Он отображает суть ее представлений по вопросу о времени завершения этногенеза у древних греков и складывании устойчивых представлений о своей языковой, культурной, политической идентичности и этнической общности.

Процесс формирования черт культурной и этнической общности, по мнению М. Финкельберг, занял довольно продолжительное, в несколько столетий, время. Свою подлинную историю племени, которые стали именоваться именем маленького народа из Пеласгического Аргоса, пришедшего под стены Трои во главе с Ахиллом, начали как полиэтничное по своему составу, гетерогенное по происхождению население, объединявшее как новых пришельцев, так и автохтонные, догреческие племена эгейского и индоевропейского происхождения.

Рецензируемый труд состоит из введения (с. 1–23), 8 глав основной части и заключения. Во введении, раскрывая секреты своей исследовательской «кухни», автор обращает особое внимание на те возможности, которые вытекают из совпадения исторической информации документов хозяйственных и торговых

архивов Крита, Микенской Греции и государств Передней Азии (Угарита, Хатгусасы и Ахетатона), обусловившие ее внимание и к памятникам, представлявшим собой записи устной информации и литературных произведений. Поскольку эта источниковая база была еще не востребована специалистами, М. Финкельберг и поставила своей целью вскрыть художественные параллели, сходства в системах образности главных героев эпических поэм Греции, хеттов и хурритов, сказаний Месопотамии и Восточного Средиземноморья, которая и определила основную задачу ее исследования: проанализировать формы, механизмы и средства, использовавшиеся для передачи идей и культурных ценностей в практике межкультурных связей населения этих разных регионов.

В первой главе «Гетерогенность греческих царских генеалогий» М. Финкельберг попыталась решить задачу, которую в отечественной историографии в свое время ставил и предлагал ее решения А. А. Молчанов. Как и наш ученый, израильская исследовательница склонна думать, что не все греческие герои были прямыми наследниками Эллина. Более того, среди гетерогенных групп населения, особенно в период «темных веков» греческой истории, когда происходили встречные движения колонистов и направлений распространения основных языковых диалектов, а также интенсивно распространялись исходившие из разных, в том числе и ближневосточных, источников культурные импульсы, она находит в источниках следы заимствований, которые оказались в эпической поэзии и мифо-поэтическом сознании населения Балканской Греции и указывают на Переднеазиатский адрес своего происхождения (с. 24–41). Тем самым, как нетрудно заметить, М. Финкельберг опирается на известную ей постановку вопроса об этногенезе, которую впервые сформулировал И. М. Дьяконов: этнос складывается порой из разных, расположенных в диаметральной противоположности друг от друга языковых, культурных и антропологических источников.

Имея целью подкрепить свой тезис о гетерогенности исторических корней эллинов, прапрадеды

которых обрели в этом регионе свою новую родину на рубеже III–II тыс. до н. э., автор рецензируемого труда весьма существенное внимание отводит вопросу о догреческом населении материковой и островной Греции. Опираясь на распространенность в топонимике Греции множества слов с суффиксами *su*, *hes*, *ss* и *ntf*, М. Финкельберг в оценке языка носителей догреческого субстрата исходит из убеждения о связи их с Малой Азией и языками Анатолии (с. 42–64).

В главе «Царская власть в Греции и Малой Азии эпохи бронзы» она вновь возвращается к исследованию династических генеалогий по данным хеттских надписей и данным греческих мифов. Сопоставление фактов и сравнительный анализ позволили ей собрать множество аргументов в пользу обоснования господства матрилинейного счета родства и экзогамной династической системы как у хеттов, так и греков. Более того, она обратила внимание на статус хеттских и догреческих (пеласгических) цариц как «хранительниц царственности» и ипостаси верховных женских божеств, заключение брака с которыми после победы в состязании женихов давало претенденту-пришельцу (и завоевателю) право на царскую власть (с. 65–89). Наблюдения автора, по нашему мнению, вполне согласуются с исторической действительностью. Аналогичная практика засвидетельствована в обычае сваямвары у ведических ариев. Однако М. Финкельберг, к сожалению, проигнорировала вытекающие из греко-арийских параллелей возможности.

Этот недостаток она попыталась компенсировать рассмотрением вопроса о соотношении браков с представлениями населения о своей идентичности. По мнению М. Финкельберг, приобретение царской власти и титула были основными формами действовавшей во II тыс. до н. э. на Балканах практики, которая стимулировала, с одной стороны, восприятие старого этнического самоназвания (с. 98–108), а с другой – существенно влияла на процесс адаптации пришельцев, на их ассимиляцию с аборигенным населением. Указанным вопросам посвящены три очередные главы. Их основным выводом является констатация автором зарождения в языке взаимодействующих массивов населения новых изоглосс, свидетельствующих не только о складывании основных исторических диалектов, но и о воздействии последних на мифологическую традицию о приходе дорийцев, фессалийцев и беотийцев в Грецию (с. 109–139).

Самой интересной частью работы, сделанной автором, является картографирование ареалов распространения диалектов греческого языка по данным лингвистики. Это позволило дифференцированно рассмотреть различные аспекты проблемы в целом и вывести представляющие большой интерес наблюдения. В частности, М. Финкельберг указывает, что таблички линейного В, несмотря на свою гомоген-

ность, свидетельствуют о присутствии в Фивах лесбосского диалекта в то время, когда в Микенах и Тиринфе население разговаривало на аркадо-кипрском и ионийском диалектах. Что касается Пилоса, то в этом государстве разговорным языком являлся древнейший кипро-аркадский, а не ионийский диалект. Это последнее наблюдение весьма интересно, поскольку заставляет более внимательно отнестись как к сообщению Гомера, согласно которому общегреческую рать против Трои собирал Нестор, а не Агамемнон, так и к «стратиграфическому» методу анализа содержания «Илиады» Л. С. Клейна.

Множество представляющих интерес идей высказано автором и в главе, посвященной финальному периоду бронзового века в Эгеиде и Восточном Средиземноморье. Анализируя свидетельства разнотипных источников относительно упадка микенских государств в связи с вторжением новой волны дорийских греческих племен, М. Финкельберг приходит к заключению, что микенское население вынуждено было в своей значительной части мигрировать на восток и что в восточных источниках оно воспринималось под именем филистинов (с. 157). Здесь автор допустил некоторое недопонимание вопроса (с. 140–160), поскольку, как известно из египетских надписей времени Мернептаха и Рамзеса III, филистины были только одним из племен многочисленных и пестрых по своему составу «народов моря», хорошо изученных в добротном труде Яссур-Ландау. Это избавляет нас от необходимости перечисления допущенных автором рецензируемого труда упущений как с точки зрения античной традиции и эпиграфики, так и с позиций новейших разработок в современной филологии и лингвистике. А вот при исследовании спорного в науке вопроса относительно разрыва или сохранения преемственности между микенской эпохой и Архаическим периодом истории Древней Греции она приводит убедительные аргументы в пользу континуитета. По ее мнению, самым существенным показателем в данном случае служит и язык, и объединенные усилия, предпринятые в области сохранения собирательной героической традиции. Обращает на себя внимание безапелляционное, но мало аргументируемое мнение исследовательницы, согласно которому «коллективное имя эллинов наложилось как на потомков населения эпохи бронзы, так и на новых пришельцев раннего железного века» (с. 160). Последнее входит в противоречие с выводом самой исследовательницы о том, что к концу микенской эпохи население микенских государств было в значительной степени эллинизировано (с. 107).

В целом, не лишённое недостатков и погрешностей исследование М. Финкельберг вполне может претендовать на определение в качестве фундаментального труда на тему о происхождении и этничности древних эллинов.

*Воронежский государственный университет
Писаревский Н. П., доктор исторических наук, до-
цент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru
Тел.: 8 (473) 236-91-83*

*Voronezh State University
Pisarevskiy N. P., Doctor of Historical Sciences, Associ-
ate Professor of the Ancient History and Archaeology De-
partment
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 236-91-83*